4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 34 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ Ленинград, Просп. 25 Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

ЕДЕТ-ЕДЕТ!!

Рис. Б. Антоновского

В этом году хозорганизации выйдут единым фронтом навстречу урожаю. (Из статьи)

В ОЖИДАНИИ УРОЖАЯ

ПАУК И МУХИ.

(Противоестественная история)

Органами РКИ установлено, что ряд госучреждений, в том числе Самарский Госторг, перепродали московскому спекулянту всю полученную ими партию импортных инструментов. („Правда“).

Пусть факты и просты, и сухи —
Мы помним твердо из наук:
Когда в углу засел паук,
В сетях безвинно гибнут мухи.

. . . .

Кряхтел порядком Наркомфин
В суровых поисках кредита,
Шагал по комнате сердито
И залпом осушал графин.
А там, добившийся победы,
В ответ на нужды, в самый раз,
Шагал на Запад наш заказ, —
Писали нам счета полпреды.
Учтя хозяйственный момент,
Условья, рынок, конъюнктуру,
Явив „купецкую“ натуру,
Пригнали нужный инструмент.
Чем дальше сказ, тем глубже лезу —
Вопит в стране заводов рать:
„Нам без „струмента“ — помирать!
Нам ваш „струментик“ — до зарезу!!“
Читатель, друг! Уйми восторг,
Не жги меня пытливым взглядом:
Поплыл товар по госнарядам
В какой-то частный Хап-лап-торг..
Казань-ли, Омск, Чита-ль, Самара —
В работе проявив талант,
Неуловимый спекулянт
Съедает полчища товара!
И сон свершился на-яву:
Не зря-ли плачены прогоны?
Бегут товарные вагоны
Обратно, к частнику, в Москву!
А там — „пожалте“, ради бога!
Хоть цены лезут на дыбы,
Но покупатели-рабы
В хвосте толпятся у порога...

. . . .

Твердим мы, в простоте души,
Снимая дома паутину:
— Вот, вот — паук... Души скотину!
Но здесь... и мушки хороши.

Александр Флит.

НАРУЖНАЯ БОЛЕЗНЬ

Рис. Б. Малаховского

— Доктор, что у меня за болезнь?
— У вас? Симуляция.
— А это очень опасно?
— Как вам сказать... Смотря, на кого нарветесь.

БЛАГОДЕНСТВЕННОЕ ЖИТИЕ

Болдуин отправил в Америку для опубликования в печати большое послание, в котором заявляет, что горнорабочие и их дети вовсе не голодают, а питаются еще лучше, чем до забастовки.

(Из газет).

К автомобилю подскочил оборвыш-мальчуган в ту самую минуту, когда Болдуин, откинувшись на спинку сидения, собирался приказать шофферу ехать.

— Добрый сэр, подайте голодающей семье горняка! — сказал оборвыш, протягивая руку.

— „Вот кстати!—подумал добрый сэр.—Я пишу это письмо в Америку и не хотел бы быть пристрастным в суждениях и голословным в доказательствах. Потолкую с ним. Устами младенцев глаголет истина“.

— Хорошо, милый Бэби! Ты не напрасно ко мне обратился,—продолжал он вслух.—Я дам тебе денег и много денег. Вот видишь, смотри, сколько их у меня!

Болдуин вытащил кошелек и потряс перед глазами оборвыша.

— Но при одном условии: ты расскажешь мне всю правду вашем житье...

— Охотно, добрый сэр... Всю правду... Это истинная правда, что мы...

— ...Что вы живете очень хорошо, хочешь ты сказать? Я так и знал. Рад, что ты подтверждаешь мои предположения. Расскажи-ка, как вы питаетесь? Лучше или хуже, чем до забастовки?

— О, сэр! Какое же сравнение! Гораздо...

— ...Лучше. Я понял тебя с полуслова, по интонации. Скажи, сколько твоя мать покупает теперь хлеба, овощей, мяса?

— Ах, мяса, сэр...

— Понял, понял. Довольно. По огорчению в твоих глазах, я вижу, что мясо успело порядочно-таки вам надоесть. Действительно, сегодня—мясо, завтра—мясо... И твои родители поступают разумно, отпуская тебя на улицу. При обильном мясном столе—необходим продолжительный моцион. Ну, а чем занят твой отец? Небось, сидит, сложа руки и покуривает трубку?

— Не знаю, сэр, курит ли он трубку, но что сидит—это истинная правда: вот уже второй месяц, как он посажен...

— Не возражаю. Для человека, изнуренного тяжелым физическим трудом, первое, что прописывают врачи,—абсолютный покой и сидение на одном месте. Итак, малютка, если я правильно тебя понял, вы живете прекрасно, сыты, отец отдыхает, дети крепнут на свежем воздухе... Рад, искренне рад...

— Нет, сэр... Это не так. Позвольте мне сказать правду...

— Но, милый бэби, ты уже все рассказал, как нельзя лучше. Ты условие выполнил и вполне заслужил обещанные деньги. Или, может быть, ты от них отказываешься?

— Ах, нет, сэр... Как можно!

— На моем месте, мальчуган, всякий другой задал бы тебе вопрос: если вы живете так хорошо, то как же у тебя хватает наглости попрошайничать? Разве тебе мало карманных денег, даваемых ежедневно матерью на мелкие расходы? Так бы спросил всякий другой. Но я молчу. Прощай, мальчик! Беги, пользуйся хорошей погодой!

— А деньги, сэр?

— Ах, да! Деньги. Вот. Возьми три цента на леденцы! Не благодари! Не люблю, когда благодарят. Шоффер, трогай!

Азиат

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Получив зарплату, Дукин вышел из ворот, сдвинул кепку на лоб и, почесав пятерней в затылке, остановился в полной нерешительности.

— Ты чего, Дукин?—окликнул его Сысоев.—Или потерял что?

— Не.. Я так. Расходы соображаю,— засмеялся Дукин.

— Ну, ладно: потом сообразишь! Потом легче считать будет!—захохотал Сысоев.—Пойдем в низок: там все наши будут.

— Ладно. Потом. У меня, знаешь, этого.. дела,—соврал Дукин.—Потом зайду.

— Ну, как хошь!—почему-то подмигнул Сысоев и, обегая толпу рабочих, в припрыжку бросился по мостовой догонять приятелей.

— Главное в человеке—характер!— решил Дукин.—Вот сказал не пойду в низок,—и не пойду.

Дукин потоптался на месте и медленно поплелся к дому.

— И как это все спервоначалу хорошо выходит,—думал Дукин, заворачивая за угол.—Спервоначалу сидят и миногами закусывают и все, между прочим, в содружестве. Выпьют немножко—темы разные для разговору являются, а темы явились—значит, пива нужно... А пива нахватаются—лаются, дерутся, блюют... Тьфу!

— Чего плюешься на людей, пьяная твоя рожа?—завизжал откуда-то из под ног бабий голос.—Нагваздаются, прости, господи, как белуги, и ходют.

— Сама-то ты белуга!—удивился Дукин, останавливаясь против торговки, которая с негодующим видом вытирала подолом заплеванное Дукиным яблоко.— Почем штука-то?

— Пятачок...

— Пятачок? Ну, так давай три штуки!

— А плеваться нельзя, — наставительно сказала баба, вручая Дукину яблоки.—Я, мил-человек, пакенты плачу... Деньги-то давай!—Но не успел Дукин отсчитать три пятака, как торговка молниеносно схватила лоток и, почему-то пригнувшись, как солдат под пулеметным огнем, зигзагами побежала на другую сторону улицы.

Из-за угла выходил милиционер.

— Патенты пла ит!—усмехнулся Дукин.— Ишь, очки-то втирает, нэпская стихия! А деньги-то отдать, все-таки, надо...

Дукин искал глазами торговку, но та, словно сквозь землю провалилась. Дукин перешел на другую сторону и заглянул под ворота. Торговки не было.

— Не иначе стерва в пивную смылась!—Подумал Дукин.—Надо зайти! И хитрющий же народ!

Дукин—в одной руке с яблоками, в другой с деньгами—вошел в пивную и остановился у входа. Торговки не было...

— Бутылочку?—щелкнул пробкой подавалец.

— Ишь мерзавец! Открыл уж! Придется пить!—вздохнул Дукин и опустился на стул.—Главное в человеке—характер. Другому все мало: спервоначала одну, потом другую, а потом и пошло... Лаются, блюют... А государству убыток!

И он неодобрительно поглядел на пьяного, который, беспрерывно икая, разрисовывал пальцем узоры на столе, залитом пивом.

Выпив пиво, Дукин постучал стаканом о бутылку и приготовился платить.

— Сию!—щелкнул пробкой подавалец и стукнул перед носом Дукина бутылкой.

— Во, черти, наловчились!—удивился Дукин.—Главное в человеке характер: выпил пару и домой. А ребятам яблоков принес. И мне удовольствие, и всем хорошо. Другой выпьет пару, а потом и пошло... Лаются, блюют... А производству убыток!

Допив до половины вторую бутылку, Дукин вдруг почувствовал острый голод!

— Главное — характер!—подумал Дукин.—Выпей и закуси! Закуси и выпей, Другие лакают безо всякой, можно сказать, пропорции... Дай-ка парочку миног!

Подавалец нарезал миноги, поболтал над ними какой-то бутылкой и турманом подлетел к столу.

Дукин допил пиво и посмотрел на тарелку. На ней лежала минога.

— А ну-ка дай еще бутылочку, разгонную!—крикнул Дукин.— Сироту доесть!

— Сию!—щелкнул пробкой подавалец.

Когда была с'едена минога, то осталось полбутылки пива. Дукин спросил еще пару миног. А когда было допито пиво, то опять оставалась одна минога.

. . . .

Вваливщись в квартиру, Дукин икнул на жену миногами и пивом и ухватился за притолоку.

— Главное в человеке — характер!— сказал Дукин.—Другие напьются и домой не идут, а по милициям валяются... А производству убыток!

— А получка где, чорт окаянный?— ахнула жена.

Дукин порылся в карманах и на дрожащей ладони поднес жене три измятых залызганных яблока.

Р. Волженин

РАЗМЫШЛЕНИЕ У ПОД'ЕЗДА

— От нашего зава подписку о невыезде взяли.

— Засыпался?

— Нее! Просто, чтоб нового выезда себе не заводил!.

В ЦЕХУ

— У нас мастер—во! Такие люди на улице не валяются...

— Неужли... и после получки?!

СПОСОБНЫЙ

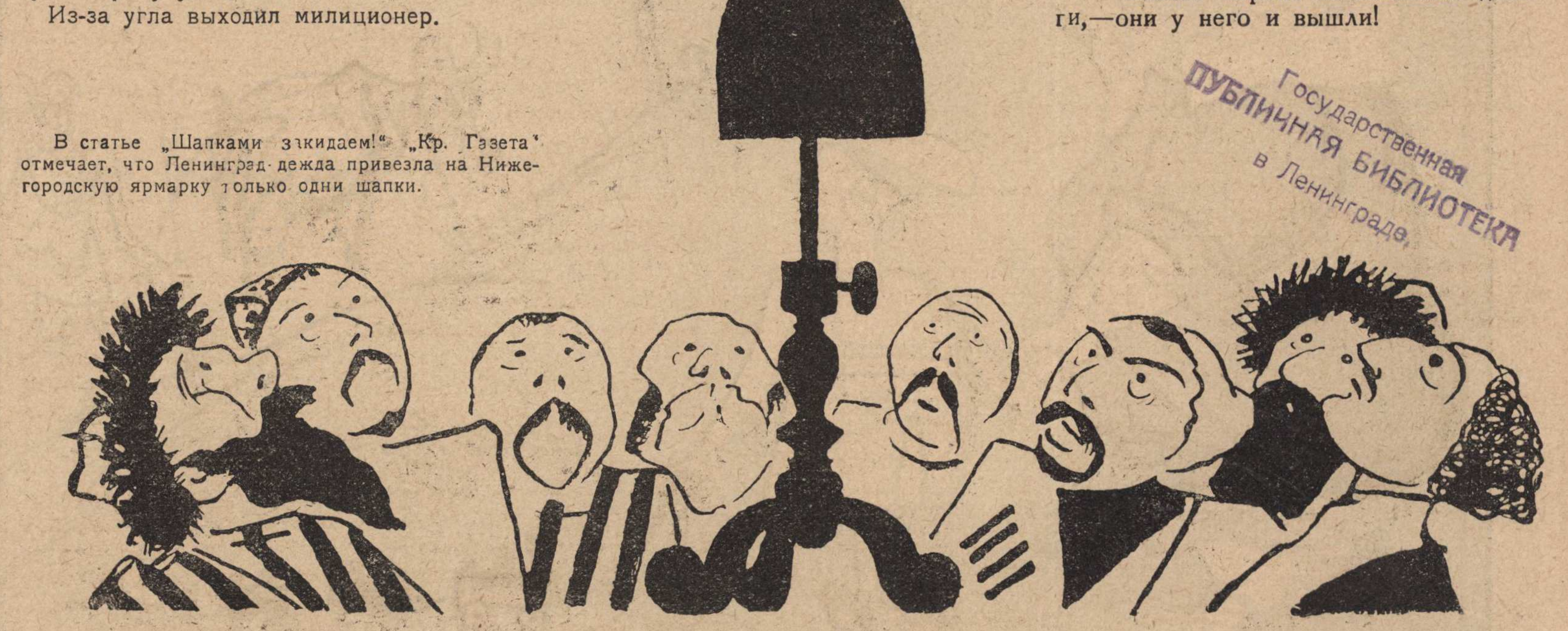
— Наш предместкома такой человек: за что-бы ни взялся, все у него выходит!

Например?

— Взялся парень за казенные деньги,—они у него и вышли!

Рис. Н. Р.

В статье „Шапками закидаем!“ „Кр. Газета“ отмечает, что Ленинград-дежда привезла на Нижегородскую ярмарку только одни шапки.

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Купцы нижегородские:—„Ленинградодежда“ приехала! А ну, поглядим!..

ФИМКА

Фимка голым гулять не будет! Фимка приоденется за счет кооперативной кассы! Пайщиков вот Фимка разденет. Это так!

Стекла Фимка повыбьет только между прочим, ибо Фимка смотрит в корень. У Фимки серьезное дело — на первом плане.

Пришел Фимка на общее собрание пайщиков, турханул с места председателя собрания, сел на его место и сказал:

— Кто против моего председательничания, подойди-ка поближе!

Никто не шелохнулся.

— Возражениев не имеется? Одначе, для порядку голоснем!

Он поднял руку вверх и, покачивая кулачищем, добавил:

— Вот так, сукины дети, пайщицкое племя! Голосните все разом, единоручно! Ну, веселей, задние!

Хоть с печальным лицом, но голоснули весело.

— Эй, кто там кулаком голосует? Разожми кулак, пальцы вытяни! Кулаком голосую только я... Принято. Секретарь, протокольни... Погоди, чего ты не голоснул? Положи-ка перо да первоначально голосни!

Дрожащей рукой секретарь сначала голоснул, затем запротоколил.

— Ну-с, товарищи и товарищички, теперь, значит, повторное голосование за мое избрание председателем кооператива и казначеем!

Секретарь побледнел, покраснел, перелился всеми цветами радуги и, остановившись на серо-зелено-мертвецком, попросил слова к порядку дня.

— Беспорядок только вносишь и затягиваешь собрание,—невольно сказал Фимка,—одначе, для ради порядку слово имеешь. Говори!

— Сог... ласно... ласно... инст... инст... инст... рукций...

— Ворочай языком, сволочь, веселей!— крикнул на секретаря Фимка.

— Не е ммо-жет предсе-датель быть казначе че-че-е-е-е-е...

— Чего?—стукнув по столу, рявкнул Фимка—я тебе, сволочь, поеекаю! Е-е-е...— передразнил он. — Чего?!

— Ни-ни... чего...—выдавил из себя секретарь и хлопнулся на стул.

— Ни-ни... это правильно!.. Чего руки подняли, товарищи? Уже голоснули, значит? Ай да молодцы, ай да ребята, проворные! Принято, значит. Секретарь, чего обе руки поднял, когда голосование единогласное, а не двугласное? Одну опусти и протоколь... Правую! Опускай, товарищи, руки: запротоколено! У кого ключи от кассы? Живо!

Бывший казначей на цыпочках подошел и с поклоном передал ключи.

— Объявляю заседание закрытым. Живо все выметайтесь, пайщики! Что, старое правление? Тоже, тоже, все вон! Что. передать все? Ладно, сам все заберу! Не беспокойсь, не впервой! Все выметайся!.. Чтобы чисто было!

... Через минуту было чисто даже в кассе.

PS. Кстати: не думайте, что Фимка Калинкин сочинен. О сочиненном Фимке Калинкине не писала бы минусинская „Власть Труда“ с таким надрывом в голосе:

«В правление избрали Фимку Калинкина—известного плута, попадавшегося в кражах.

К тому же Фимка—хулиган. Не так давно он у Лоцманова позыбил окна.

Теперь пайщикам приходится бояться за свои паевые взносы. Заменить Фимку тоже боятся:—

— Хулиган—отомстит».

Исидор Гуревич

КЛУБ САМОУБИЙЦ

Массажистка Марь Петровна,
Хорошея
Без конца,
Вдруг *повесилась*... (в час ровно)...
Где? — на шее
У жильца.
Многим жить, конечно, скучно:
Смерть, мол — благо!
И — капут.
Утонул собственноручно
В канцбумагах —
Делопут.
Грустный стих всего не выльет:
Взвел курок и в сердце — бух...
Взглядом служащей на вылет
Прогвоздил себя главбух.

Мих. Андреев

В ДЕРЕВНЕ

Рис. Б. Малаховского

— Вот видишь, Петя,—это коровка. Ее доить повели. А там вот—лошадка. Ее в трактор запрягать будут.

СОСЕДСКОЕ

(Жилидил*)

На моем пороге чьи-то дремлют ноги.
На моей сажени след малютки Жени.

Разыгрались в прятки
Тут же Маня с Федей.
(Не мои ребятки,
А моих соседей).

У меня над ухом воет примус глухо;
Значит, время лопать, — слюни, чад и копоть.

Гнусно разогреты
Мысли об обеде...
(Но, увы—котлеты
Не мои — соседей).

А в моем матраце! — Не опишешь вкратце...
Бьешь и давишь оптом, да живуч он— клоп-то!

Нет ужасней пыток
И на адском ложе...
(Не мои клопы-то,
А соседей тоже).

Альми

---

*) Жилищная идиллия.

НАЗРЕВШИЙ ПЕРЕХОД

В лохмотьях и без сил —
Полфунта хлеба попросил
Бедняк, дитя житейской драмы.
— Изволь,—ему ответ,—я дать готов,
Но, милый мой,—*с фунтов*
Пора бы перейти на килограммы!

Евл. Надькин и Ив. Прутков

ЛОЗУНГ ЗДОРОВЬЯ

— Где это вы так загорели?
— Два месяца стоял лицом к деревне.

ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ

— Способный парень Иванюк: экзаменовался в шести Вузах одновременно с равным успехом!

— Выдержал?

— Нет, провалился.

ШПАНА

Рис. Б. Антоновского

— А Шурка у нас настоящим полпредом стал.
— Почему?
— Да как диспут о половом вопросе, так его председателем выбирают.

БЕГА ПРОФСОЮЗОВ И ВЕРОЯТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

1 з., д. 1600 м. **Трамвайщики:** Желтый билет, Заяц, Подарок рабочим, Раздавленный, Куда прешь, Царский гривенник, Жми-Дави.

Опасен Царский гривенник, в шансах Заяц, ждем Жми-Дави.

2 з., д. 1600 м. **Парикмахеры:** Бледная спирохета, Бритва, Сулема, Мыльный пузырь, Экзема, Дезинфекция.

Опасна Бритва, в шансах Бледная спирохета, ждем Дезинфекцию.

3 з., д. 1600 м. **Школьные работники:** Сельшкраб, Власть тьмы, Беднота, Малокровная, Картошечка, Нет монет, Новый интеллигент.

Опасна Власть тьмы, в шансах Нет монет, ждем Нового интеллигента.

4 з., д. 1600 м. **Совработники:** Исходящая, Волокита, Накладной расход, Режим экономии, Сокращенный, Молчи грусть, Знакомая, Карие глазки.

Опасна Карие глазки, в шансах Накладной расход, ждем Режим экономии.

5 з., д. 2400 м. **Пищевики:** Тертый калач, Черная крыса, Таракан, Луженая, Острый гастрит, Гвоздь, Панихида.

Опасен Гвоздь, в шансах Острый гастрит, ждем Панихиду.

Аркадий Флорин

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МЫСЛИШКИ

1. Тепловая: Человек, потребовавший в пивной пару, этим еще не способствует нашему паровому хозяйству.
2. Мануфактурная: Нет такого мануфактурного кризиса, который бы уничтожил суконные языки.
3. Табачная: Строптивая секретарша зава похожа на папиросу: зав выкуривает ее после того, как он коснулся ее губами.
4. Деревообделочная: Имея гостиную красного дерева, ты этим не подчеркиваешь лойяльности своих убеждений.
5. Металлообрабатывающая: Плох тот сталелитейный завод, на котором болванов больше, чем болванок.
6. Обувная: Между картоном и мелкобуржуазным слюнтяем большое сходство: и тот, и другой рабочему человеку в подметки не годится.
7. Резиновая: Штаты госучреждений напоминают автомобильные шины: они сильно раздуты.
8. Пищевая: Заняться хлебопечением — еще не значит заморить червячка.

М. К-ий

СЕЗОННЫЙ ОТВЕТ

— Как будет глагол „драться“ в третьем лице?

— Ну, ежели человек так дерется, что до третьего лица добрался, так это будет уже не драка, а побоище.

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

У Егора Делюгина отчего-то стала пухнуть шея. Ну, так распухла — прямо башки не повернуть! Стали мазать шею дегтем, оглоблей били, мазь копытную пробовали, к навозу обращались — ничего не помогает! Пухнет шея — и все тут.

Отец у Егора мужик мозговитый — сознательный.

— Подайся,— говорит,—Егорка в город! В клинику. Пущай разберутся посредством науки, в чем есть причина!

А шея пухнет невозможно.

Поехал Егор в город. Пуд масла ему с собой напахтали. Приехал и лег в больницу.

Сначала понравилось очень. Чистота кругом, спокойствие. Ежели кто сплюнуть желает — плюй на доброе здоровье. Специально даже на полу тумбы расставлены. А главное — обращенье аккуратное:

— Больной,—говорят,—Делюгин! Позвольте вам под мышки термометр поставить!

Да. Лежать хорошо, а шея пухнет. И по ночам здорово ломает.

Через месяц еще веселее стало. Стали студенты приходить, профессора разные. Кругом сядут и разговоры ведут. Барышни тоже между ними находятся.

— Товарищи! — говорит профессор.— Обратите ваше внимание, как шея пухнет! Редкий случай медицины. Больной Егор от нормальных родителей Делюгиных!

Еще месяц прошел. Из деревни сам старик приехал, масло привез. Шею увидел — испугался.

— Ну, — говорит, — и комедия! Шея, ровно у быка!

И, действительно, улучшения не замечается.

Приходит как-то доктор под вечер, а с ним другой.

— Вот,—говорит,— больной Делюгин, вами Рентгенологический Институт интересуется! Не желаете ли, — говорит, — у них в клинике полежать?

Рассердился Егор.

— К чортовой матери ваш институт! Не приходится лежать — время к лету идет! Лучше бы,—говорит,—извините за выражение, шею выправили!

А доктор новый говорит:

— Удивляюсь я вашим словам! Несознательный вы элемент! Случай ваш в науке редкий и, может, на вас человечество смотрит с надеждой!

И старый доктор добавляет:

— Пора бы шкурные вопросы оставить! Не в старое время живем!

Словом, — перевезли Егора в другую больницу. Просвечивают шею, поглядывают, а студенты кругом на бумажке записывают.

А шея — не шея, а комод.

Через две недели новые доктора приходят.

— Требуется он нам,—говорят,—в Физио-Терапевтический. И мы интересуемся. Лишь бы только по дороге не помер.

Не помер Егор. Выдержал. Только шею малость застудил.

Из Физио-Терапевтического в Гомеопатический затребовали. А потом в Ортопедический. А оттуда — в условные рефлексы. А там уже срочная телефонограмма из Гинекологического лежит...

Так вот, граждане, как вы полагаете, не податься ли Егору Делюгину в Анатомический?

Случай-то ведь в медицине редкий!

Ал. Нератов

„ЛЮБИТ—НЕ ЛЮБИТ...“

(ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ) *Рис. И. Каликина*

Вздох ли над речкой,
Шум ли в беседке,—
Вечно на страже
Ухо соседки...

Пара уселась
Тайно и тесно...
Как любопытно!
Как интересно!..

„Любит — не любит...“
Тихо и глухо...
Шопоту внемлет
Старое ухо...

Парочка тает
В пламенном раже...
Ухо на страже!
Ухо на страже!..

СВОЙ СВОЯКА — ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

На одном из перегонов жел. дор. в Крыму лягушками остановлен поезд. „Кр. Газета“ № 178.

Хоть мимо факта не пройти,
Но стоит ли тому дивиться,
Что целый поезд мог в пути
Из-за лягух ... остановиться?!
Ведь факт— простейшего простей:
Лягушки просто „дали маху“,
По близорукости своей
Приняв состав за черепаху!

Эф-Гро

ГОЛГОФА
(ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ)

Рис Б. Антоновского

... И взял он крест свой. И понес...

... И взял он крест чужой... И не дали понести...

ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Первые десять минут ушли на ругань.

После того, как пассажиры вдоволь покричали, разбирая серьезный вопрос—с какой стороны полагается открывать в вагоне окна, Рюхин презрительно ухмыльнулся и, обращаясь к Битюгову, сказал:

— Поганый, я вам доложу, народишко — славяне! Ну, может ли случиться что-нибудь подобное за границей? Никогда.

— А почему же не может?—спросил Битюгов.

— Да потому, что там культура, там дисциплина. Все раз навсегда предусмотрено правилами, и, разумеется, никому в голову не придет их нарушать. А наш народишко только и смотрит и думает—как бы это нарушить порядок. Вот не угодно-ли...

Рюхин сморщил нос.

— Чем пахнет?

— Селедками, кажется,—предположил Битюгов.

— Именно. И я вижу — вон там, на полке боченок. А скажите, имеют ли право пассажиры везти в пассажирском вагоне вонючие продукты? Не имеют, а везут. А на площадке видали надпись: „Стоять строго воспрещается“. И стоят! И так во всем, на каждом шагу в нашей славянской стороне.

— Экий вы славянофоб!—улыбнулся Битюгов.—Я, правда, не бывал за границей, но думаю, что вы преувеличиваете: люди везде одинаковы.

— Одинаковы?! Ну, нет, милый. Небо и земля! Да вот возьмите, например, воровство. Ведь у нас отсутствует прямо-таки элементарное чувство честности. А в Финляндии, например... хозяева, уходя из дому, вешают ключ возле двери. Разносчик оставляет продукты, заказанные ему накануне, прямо возле дома. Если вы уронили на дороге кошелек, будьте уверены, что вам его доставят. А у нас? Посмотрел бы я, что останется от квартиры, если вы не закроете на десять замков! А вы говорите везде люди одинаковы! Нет, милый. У нас нельзя, чтобы что-нибудь плохо лежало. На-днях моя жена затеяла вымыть голову дождевой водой. Поставила железный бак под водосточную трубу, а вечером, когда набралось воды, забыла убрать.

На утро хвать:—нету бака. И ведь какие мерзавцы: кругом на земле ни намека на воду — очевидно, так и унесли полный бак, не выливая! Э, да что тут говорить! Нечистоплотность, маральная расхлябанность! Воруют не потому, что нужно, а — из любви к искусству. Руки чешутся взять и унести. Унесли дождевую воду! На что им, спрашивается, дождевая вода?! Мерзавцы!..

Рюхин убрал от двери ноги, чтобы пропустить контролера.

—Вот вам еще пример,—сказал он, пряча в карман сезонный билет:—что должен делать контролер? Контролировать. А он, как видите, ограничивается мимолетным взглядом. А может быть, у меня билет просрочен? Или, может быть, я еду по чужому? Халатность, непорядочность на каждом шагу!

Дальше Рюхин ядовито распространялся на тему о контролерах.

Он продолжал громить, уже и выйдя на дачной остановке, как вдруг хлопнул себя по-боку и вскричал:

— Батюшки! Палка! Палку-то я забыл в вагоне!

Рюхин метнулся назад, но было уже поздно—-поезд отошел.

— Пропала палка! — с досадою сказал Рюхин: — Обидно. И все из-за этих разговоров!

— А может быть, и не пропала? — сказал Битюгов.

— Как же! Держи карман шире.

— А вы попробуйте заявить дежурному по станции.

— И пробовать не стану. Лишняя потеря времени!

— В таком случае, это сделаю я сам. Подождите здесь минутку.

Битюгов решительно направился к вокзалу.

Вскоре он вернулся.

— Следующий поезд в семь сорок пять. Можете ехать и получить вашу палку, — заявил он торжествующим тоном.— Ну, что? Видите? Есть еще честные люди! И чем мы хуже какой-нибудь Финляндии?

Рюхин презрительно повел плечом.

— Вы радуетесь напрасно: исключение только подтверждает правило.

* * *

По утрам они обычно отправлялись на службу с восьмичасовым поездом.

На пути к вокзалу Битюгов нагнал Рюхина. Тот шагал, размахивая палкой.

Битюгов закричал:

— Ну, что? Съездили за „исключением“?!

— Съездил. Нашлась палка.

— Ну, вот, и поздравляю вас!

Он хотел сказать несколько слов о преимуществе оптимиста над пессимистом, как вдруг поразился странным видом палки: вместо обычной, с изогнутой деревянной ручкой, в руке Рюхина была палка с костяным набалдашником и парою серебряных монограмм.

— Послушайте, — сказал изумленный Битюгов: — что-ж вы говорите, что нашлась? Ведь у вас другая палка?

— Немножко другая. Видите ли, в чем дело. Приезжаю. Иду к дежурному по станции. И, представьте, не я первый, не я последний... Выносят мне целых три палки. „Которая ваша“? Оказывается, с поезда сняли три забытых палки. Рассеянность—это, знаете, тоже отличительная славянская черта... А, например, в Финляндии...

— Погодите насчет Финляндии!— перебил его Битюгов: — Значит, вы по рассеянности получили не свою палку?

— Нет,—просто ответил Рюхин:— но из всех трех палок эта мне больше понравилась. Костяной набалдашник удобнее.

Ив. Прутков

В ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ СТОЛОВОЙ

Рис Н Радлова

— М-да-а... Придется этого показательного таракана снести в „Тесто“, на 11-ю страницу.

УЛИЧНЫЙ МЕДВЕДЬ

Гляжу: ведут медведя.
За ним—толпа ребят.
— Сейчас он спляшет, Федя,
На наш советский лад!
Пляши, плясун косматый,
Качайся на весу.
Голодный, злой, измятый,
Забудь, как жил в лесу.
„Текущие моменты"
До капли обнаружь:
— А ну-ка алименты
Как платит женам муж?
— А ну—на мандолине
Фашицкой сыграни?
Покажь, как Муссолини
Играет в наши дни?
Как лазит в огороды
Германский меньшевик
И как пихнул „свободы"
На Гинденбургов штык.
Забудь тепло берлоги.
Тоскуя, весели!
На хлеб и на налоги
Выплясывай рубли.
— Эй, граждане,—медведю!
— Нет меди,—серебром!!
Я в бок толкаю Федю.
А Федя: — Подождем!..
Вот красных яблок запах
Ударил Мишке в нос.
— Держи!.. И в бурых лапах
Коробка папирос.
— Лови!—бросают булку,
Селедки мокрый хвост...
— Айда по переулку
За Мишкой, через мост!
В лесные лежебоки.
Вернется ли?..
— Ни в жисть!!.

. . . .

— А, ну-ка—лапы в боки!
— А, ну-ка—рыло ввысь!

Яков Годин

ЗАКОННИКИ.

На Сухаревке палатки, торгующие хлебом—будут окрашены в один цвет, железом—в другой, кожей—в третий и т. д.
«Раб. Газета».

Рис. А. Радакова.

— Отчего эта палатка в два цвета окрашена?
— По правилам. Тут ситным с гвоздями торгуют.

„СПОРТСМЕН"

Посвящается бегуну П. М. С.

— Вот случаи какие в жизни могут случиться. Ни один писатель во-век такого не придумает. Да чего писатель. Эдиссону или Маркони и то не в моготу.

В воскресенье, после получки, положил я, значит, деньги в кошелек и пошел себе пройтиться. Погода, знаете, отличная. Солнце и вообще.

Иду. На встречных барышень зырю, и даже еще „Кирпичики" насвистываю. Отошел я от своей квартиры версты на две, а может больше. Не знаю. Не считал. Только гляжу—пивная „Вена".

Зайду, думаю. Деньги есть, почему парочкой холодного горла не промочить, как взопрел я на солнцепеке.

Зашел.

Долго-ли непьющему человеку пару пива выпить?

Ну, выпил. Полез в карман за кошельком. А только кошелек-то Митькой звали. Забыл я его, подлеца, в рабочем костюме, когда в праздничный переодевался.

Подзываю официанта и говорю:

— Извините, дорогой таварищ, а только деньги я дома позабыл. Сейчас вот схожу и принесу. Я, говорю, не какой нибудь. Я, говорю, на текстильной фабрике работаю.

А официант мне не особенно приветливо отвечает на это:

— Знаем мы вас, пройдох эдаких. Напьют, наедят, а потом и смоются без мыла. Ищи-свищи после. А мне перед заведывающим своим денежки выкладывай. Слава богу, не директорское жалованье получаем, чтобы рублями покидываться. Пойдем в милицию.

— Зачем-же, говорю, дорогой таварищ, в милицию. Неуютно там, в милиции-то.

— А не хочешь в милицию, сдевай костюм и оставляй его в заклад. Принесешь деньги, обратно получишь.

— То-есть, как-же это костюм? А за деньгами мне, извините, что-же в сподниках итти? Засмеют все. Я человек положительный, вон и борода у меня а ля Людвик, какой-то. Номер только этого Людвика забыл.

А официант:

— Зачем в сподниках. Тут вон за выручкой трусики сынишки заведывающего лежат. Оденешь их на смену. А на спину рубахи я тебе календарный листок наклею с 9 июлем. Июль обрежем, потому ни к чему, а оставим одну цифру 9. Ты и беги около тротуара, в роде, как спортсмен № 9. Пробег, мол, совершаю.

Что-ж, думаю, пробег все лучше милиции.

— Ладно, говорю, давай трусики, клей номер.

Хорошо-с! Снял я в уборной костюм, надел трусики, а официант мне на спину двумя булавками номер присобачил.

Ну, вышел я из пивной, согнул эдак руки в локтях, сжал пальцы в кулаки и потрусил возле тротуара. Потеха.

Прохожие останавливаются, смотрят. А один даже крикнул:

— Откуда пробег?

А я, не останавливаясь, и брякни первый, пришедший на память город.

— Из Вятки!

— Ого, говорит. Это—мировой рекорд.

Добежал я, натурально, до своего двора, а там на крылечко все домохозяйки высыпали. Про цены на мясо говорят, или про Чемберлена. Шут их знает про чего.

— Иван Палыч!—кричат.—Да никак вы в спортсмены записались?

— Давно,—кричу.—С младенческого возраста.

Ну, удивляются, понятно. Мясо и Чемберлена в сторону, про меня завели разговор.

А я к себе в комнату. Взял кошелек и обратно тем-же маршрутом.

Официант, ничего, костюм отдал. Переоделся я опять в уборной. Выпил еще парочку и спокойненько, не торопясь, домой направился.

Прихожу к себе в комнату, а номерок-то мой с цифрой «9» на полу валяется. Как взопрел от бега, размяк он, ну и свалился. Обратно я, значит, без номерка пер.

А теперь записался в кружок физкультуры и занимаюсь там ничего, инструктор говорит, что из меня толк будет.

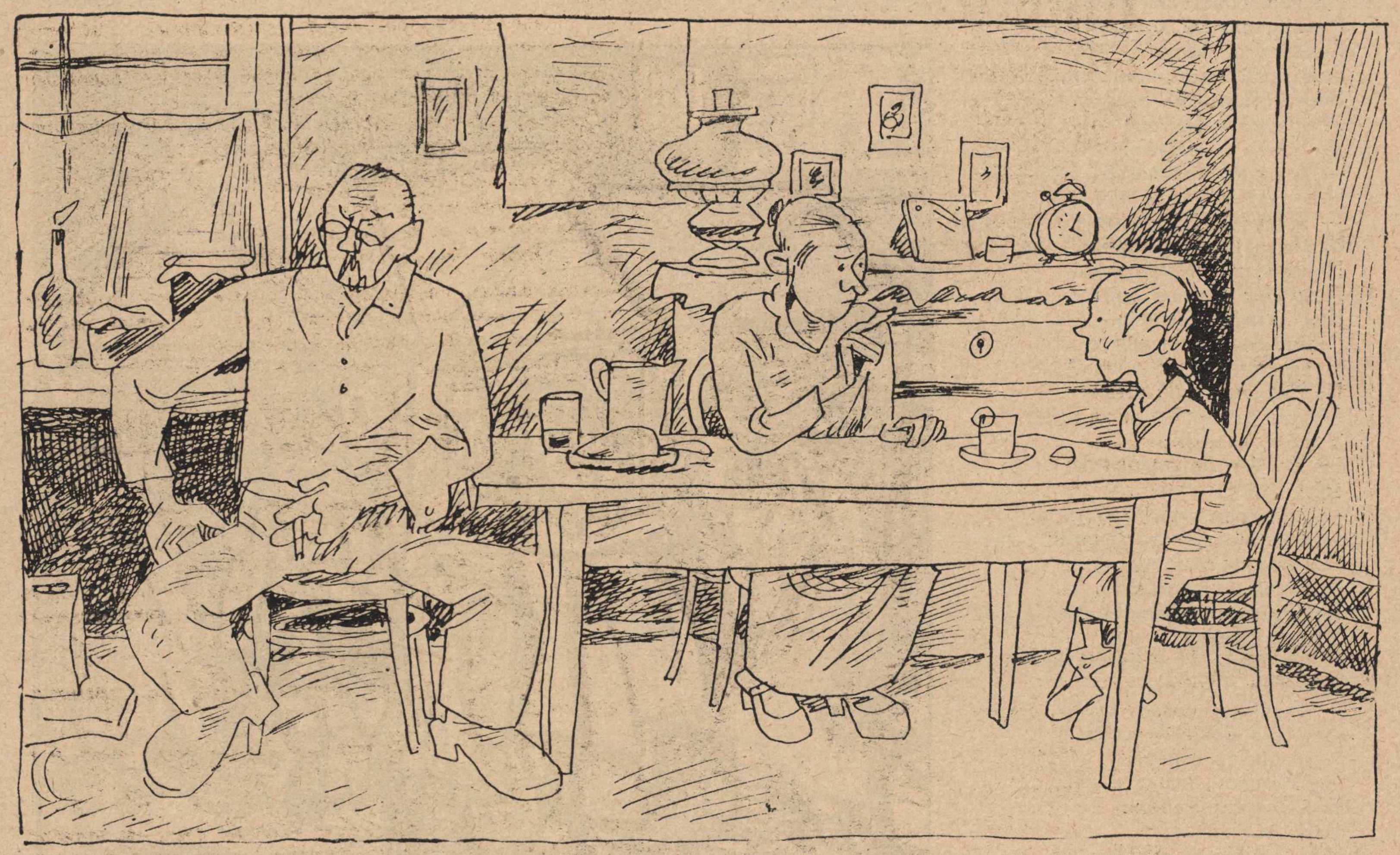
А вы говорите Эдиссон или Маркони. Граммофон там или лампочку электротока и я придумать могу, а такого случая, кроме жизни, никто придумать не сможет. То-то и оно.

Конст. Шелонский

МЕЧТЫ

Рис. Б. Антоновского

По новому проекту безработные получают заграничный паспорт бесплатно. (Из газет).

— Тсс... Не шуми... Папа обдумывает маршрут путешествия заграницу.

ВОВА ПРИСПОСОБИЛСЯ

Отвечая германской делегации на вопрос, в чем разница между старой и новой церковью, т. Бухарин шутливо об'яснил:
„Старая церковь, приспособляясь к старому строю, просила бога о ниспослании здравия Николаю II, а новая живая церковь молит бога за нас, грешных большевиков".

«Господи, Иисусе Христе,
Мученическую смерть на кресте
От иерусалимских белогвардейцев приявший,
За революционные свои убежденья павший,
От малого и до великого
Молим тя, жизнедавче, тако:
Спаси и помилуй Бухарина и Рыкова,
В царство свое небесное введи Рудзутака!
Михаилу Ивановичу Калинину тоже
Уготовь, правый боже!
И товарищу Сталину тоже
Уготовь, правый боже!
Прости им, господи, тяжкие их прегрешения,
А паче — пастырей Христовых поддержки лишение:
Пастырство, мол, христово — обман,
Дурман
И залезанье в чужой карман!
А пастыри христовы,
Они —
На все и на вся готовы.
Лишь подмигни:
Просветители, вожди и правители —
В святители
Не хотите - ли?
Всех до последнего вашего младенчика,
Милостью лишь нас не отринь! —
Равноапостольного удостоим венчика
И ныне, и присно, и во веки веков, а - ми - и - инь!!!»

В. Князев

НАУЧНЫЕ МЫСЛИШКИ

1) Подход даже к экзаменационному столу не является, однако, еще научным подходом.

2) Специализировавшись на взломе скважин, щелей и т. п., — не рассказывай друзьям, что у тебя весьма узкая специальность.

3) Увидев спеца, ставящего в клубе на карту деньги, — не утверждай, что это — спецставка.

4) Часы с репетитором, к сожалению, встречаются в жизни чаще, чем репетитор с часами.

5) Помни, что слова: „Будет тебе впредь наука!" никогда, как это ни странно, не употребляются в узко-научном смысле.

6) Если-бы химические элементы разделялись на трудовые и нетрудовые, Менделеевская периодическая система не отличалась бы тогда своей прочностью и точностью.

7) Помни, что закон сохранения материи ничего общего с законом, карающим за укрывательство мануфактуры, не имеет.

А. Н.

КОМСОМОЛКА АСЯ

Красненький платочек. Под платочком — чолка.
Смуглый цвет лица. Веселые глаза.
Это наша Ася, Ася - комсомолка.
А вокруг — веселье, хохот и буза.

Днем на производстве. Вечером — партшкола,
Изредка танцулька, а когда — кино.
Но всегда остроты, шпильки и уколы:
Язычок у Аси, что веретено.

Льнут к веселой Асе парни - комсомольцы.
Словно нет сердечка у нее в груди!
Курит хладнокровно. Вьются дыма кольца.
Кудрями тряхнет: „Товарищ, осади!"

Б. Березовский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В московских „Известиях“ читаем такое объявление:

Что бородавка и мозоль—паразиты, с этим еще можем согласиться, но почему именно 2036 мозолей?

Ни один трудящийся, с мозолистыми руками, не имеет такого числа!

*

Отделы происшествий в провинциальных газетах продолжают пестреть всякими ужасами.

Вот что пишет ново-сибирская газета „Сибирский Гудок“:

ПРОИСШЕСТВИЯ.

На жилстроительстве. Сибстрахом получено 30 тыс. рублей на жилищное строительство.
На эти средства будут оборудованы построенные дома и произведена постройка нового дома на Потанинской улице. Кроме того, получено 9 тыс. рублей на улучшение быта служащих.

Однако, почему эта заметка подана в отделе происшествий? Если Сибстрах разбирает,—это еще не происшествие.

*

В газете ,,Кино“ пишет в каждом номере ,,Кино-галлерею“ в стихах некий П. Незнамов. На этот раз незнамовской жертвой пала Женни Портен. О ней сообщается:

Надо, чтобы на портрете
Женни во весь рост
Отложилась добродетель
В полтораста доз (!)
Не марай бумаги даром—
Выход тут один:
Дай ее в аксессуарах
Всех ее картин.
Ты ворвись в ее пенаты (!) и т. д., и т. д.

Неплохие стишки для хорового исполнения в домах для дефективных.

Эх, милый Незнамов! Марайте бумагу отложениями ваших добродетелей в другом месте! В полтораста доз!

*

Поэт Александр Жаров, как известно, с солнцем за панибрата и говорит ему просто „ты“.

Я, брат, и ты, брат...

В журнале „Красная Панорама“ (№ 33) Александр Жаров поет о смычке с солнцем.

Вот отрывок из стихотворения:

Приволье. Лес. Раздолье.
Вода и облака...
— Эх, ну, по-комсомольи
Затянем песняка...

Мы знаем (и поем) комсомольские песни, но нам не известен комсомольский „песняк“.

„Смычка с солнцем“ — хорошая вещь, но смычка с грамматикой— тоже вещь недурная.

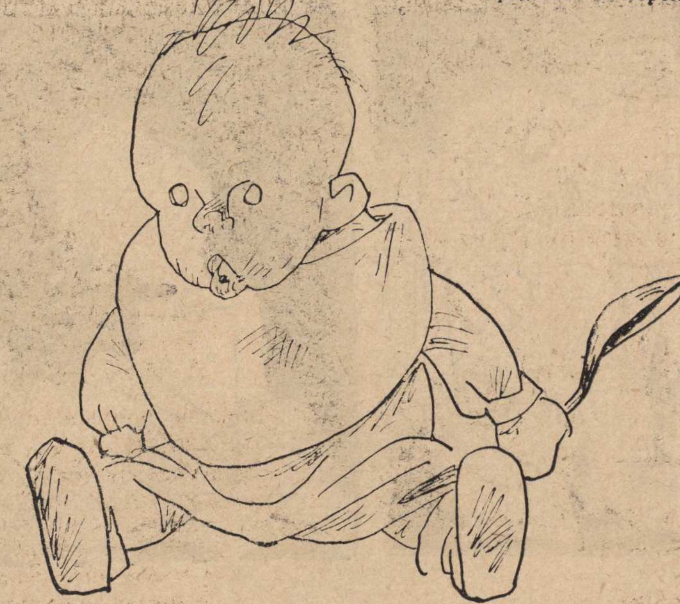
*

Красная Газета печатает рецензию о сборнике стихов, недавно выпущенном Всероссийским Союзом Поэтов:

Из женских стихов, особенно выделяются стихи и т. д...

О том, что существуют женские болезни, мы, конечно, слыхали; а вот о „женских стихах“ слышим впервые.

Рис. Б. А.

НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ АЛИМЕНТ.

*

Поэтесса Лидия Лесная придумала новый, совершенно бесплатный, способ омоложения (в 33-м номере ,,Красной Панорамы“).

При теперешней дороговизне заграничных паспортов и высоком гонораре, которого требуют за операцию омоложения заграничные профессора, — способ Лидии Лесной должен быть признан гениально-простым.

Если ты хочешь омолодиться и сбросить со своих плеч тяжелый груз годов, сделай следующее:

Заберись поглубже в бор сосновый,
Курочке-тетерочке во след,
Станешь ты не городской, а новый.
Будет там *тебе опять семнадцать лет.*

Пересадка желез, рекомендуемая знаменитыми омолодителями, и дорога, и сложна; гораздо проще забраться во след курочке-тетерочке, и вы омолодитесь—легко и нежно...

*

«Комсомольская Правда», критикуя современную детскую литературу, останавливается на книге «Как живут и работают пионеры».

Книга «Как живут и работают пионеры» похожа на расписание поездов. Там говорится о чистке зубов, ругани и т. д.»

Если о чистке зубов говорится в поездных расписаниях, то где же говорится об отбытии и прибытии поездов? Быть может, в прейс-курантах «Тэжэ»? Или—в учебниках гигиены?

*

Один молодой литератор пишет о себе на страницах „Кр. Панорамы“:

Родители мои — люди простецкие. Их у меня только двое: Отец и мать.

Только двое? Маловато!

Однако, ничего не поделаешь. Таков обычный порядок: одному взрослому человеку полагается иметь не более двух родителей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

67. Харьков, Корнееву (Лео). В письме вы пишете:

„Послал три фельетона“: 1) „Из редакционной жизни“, 2) „Разговор у телефона“ и 3) кажется, „Выставка“, а от вас ни ответа, ни привета, неужели нет времени ответить,—все же черкните пару слов и кстати заверните их обратно по адресу: гор. Харьков. Старо-Московская ул., № 15, кв. 5, Корнееву“.

Плохо следите за „почтовым ящиком“. В 31-м номере „Смехача“ для вас имеется следующий ответ-привет:

Москва, Лео (Корнию). Фельетон «Одесская выставка» понравился. К вашему огорчению, он уже напечатан в «Сатириконе» (1914 г. № 20) под названием: «Слон из Одессы» и за подписью Ив. Пруткова.
Остальных двух поэтому не читали.
Краденого не берем.

68. Шарья, Д. В-ну.

Выпьешь штук десяток,
Весел стал душой.
Кровь до самых пяток
Идет-кипит волной.

Что-ж тут хорошего?
Ничего в волнах не видно.

69. Г. Балта, М. В—у. Стихи на злобу дня:

Папиросы „Наша Марка“
Размером слишком хороши,
Приятны, как шарманка,
И стоят не гроши.
А то Амур табачный
Попробуй задыми,—
Он розовый изящный,
Сапит меня „Люби“.

Кстати, это не очень больно, когда вас сапит? Нас никогда в жизни не сапило—мы даже не знаем, что это значит.

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор **А. С. Андрейчик.**

Ленинградский Гублит № 19932. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 3701. Тираж 80.000.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Рис. Н. Радлова.

Качество вещей, взятых в кредит, оставляет желать лучшего. (Из газет).

Дело было ночью. Гражданин Иван Иваныч Мамочкин возвращался переулком к себе на квартиру (Навозная 15, кв. 9).

И вдруг, милые вы мои... тр-рах!—жулики из-за угла.
— Скидавай одежу!!!

Разинул, было, рот Иван Иваныч Мамочкин.
— Братц....
— Молчать!!!

— Това...
— Нишкни!!
— Да ведь одежа-то...
— Поговори у меня, сволочь!!!

— ...одежа-то ведь по кредиту получена!
— Вон оно что! — разочарованно, в один голос, сказали жулики: — Что-ж ты раньше молчал?

И швырнули всю одежу обратно.
Вот и выходит: гнило, да мило!
Сейчас обратно оденется Иван Иваныч Мамочкин и пойдет к себе на квартирку (Навозная 15, кв. 9).